

Планида

Вода опрометчиво набухает неуклюжестью – синим до густоты осенних луж светом. Почти бездыханно он теряется у кромки горизонта, воплощаясь сушей, потом небом, застенчиво укрывшимся дымкой, ещё потом – р’ябинами поблѣкших облаков. Я теряюсь, теряюсь, о красота всего, что может найти. Я теряюсь в откосах штормовой волны, или в вѣснах, или в вѣслах просмоленных лодок. И кажется, что там – переливы логических состояний, полюса невозможности – упадок и возвышение, они честно служат мне и слушают со мной всё, что теряется в волнах, бегущих «задумчивой чредой». От «того, что было, от того, что будет». Краски осыпаются мгновенно, а в открывшееся время к вечеру выходят старые люди – Филимон и Вавкида теории относительности. И фартук подвязан педантично, и разглажены усы, и палка – вы знаете? Из карельской берѣзы. Но послушать движение корабля – разве это цель? Это рассыпанные черепки того, что могло быть, так и не став. Это вечер на рейде – «каждый вечер подносят к окну моѣ кресло» – и что я вижу усталыми зрачками? Ладью варяга, Южный Крест – вот и всё, и этого достаточно.

Всѣ, что осыпается, – беспомощно. Семь – или пять? – мудрецов протягивают ладони, показывая свою старость и силу, и красное сменяется фиолетовым, фиолетовое – чѣрным. И всё похоже на букет фиалок в волосах девушки: дождитесь своего жениха, чтобы стать Филимоном и Вавкидой, чтобы осыпаться, или стать ребёнком, или вечным ребёнком – так и откроется оно, что зовѣт и заставляет осторожничать – скрытное неверное будущее.

Но тогда: зачем парус на серебряной яхте, зачем плеск и другие звуки – шум дождя, бьющегося о ледяную кромку. Спасите себя – от звуков и памяти, которая удерживает запахи, движения и теплоту.

И если послушать – ничего не услышишь, кроме шума.

И если вкусить – так и останешься алчущим.

И если смотреть – всё увиденное станет прахом и никогда не возвратится из детства.